

«Умалчивание наших трагедий и поражений в годы войны есть предательство по отношению к тем погибшим, которые не сложили оружия, а погибли в жестоких боях, выполнив долг перед Родиной».

Б. М. Шапошников

И. А. ИВАНОВА

Тревожный сентябрь сорок первого

29 августа 41-го года немецкие войска захватили Саблино и Тосно и намеревались по Московскому шоссе войти в Ленинград. Неожиданно был получен приказ Гитлера: в город не входить, а окружить его плотным кольцом. «Командующий группой армий „Север“ фон Лееб создал две ударные группировки: Красноегвардейскую — с задачей овладеть Гатчиной и через Красное Село выйти к Финскому заливу, и Слуцко-Колпинскую под командованием Гепнера: в нее вошли 121, 96, 122 пехотные дивизии 28-го армейского корпуса с танками 12-й тд. Развернутая у Ям-Ижоры, группа Гепнера должна была прорвать оборону советской 55-й армии, сформированной из остатков 41-го корпуса (после падения Лужского рубежа — сост.), затем, двигаясь вдоль р. Ижоры, захватить Слуцк (Павловск) и Колпино»^{*}.

В тот же день передовые части 28 ак вошли в Мгу, а 39-го — в Ивановское на левом берегу Невы. 6 дней шли упорные бои за Мгу, в которых с нашей стороны действовали 128-я, 311-я сд, 1-я горно-стрелковая дивизия и 1-я дивизия НКВД, переброшенная с Карельского перешейка. Отбить нашим войскам Мгу не удалось. 7 сентября было оставлено с. Синявино.

Части 39-го немецкого корпуса, захватив Ивановское, продвигаясь по берегу Невы, овладели Лобановом, Павловом, Марьином и 8 сентября вошли в Шлиссельбург. Этот день считается днем начала ленинградской блокады.

Далее немцы двинулись по южному берегу Ладожского озера на восток с целью соединения на Свири с финнами, но за деревней Липки были остановлены нашими войсками.

Повернув к югу, немецкие части овладели деревнями Гонтовая Липка, Гайтолово, Тортолово, Вороново, Малукса. По этой ли-

^{*} Д. Гланц. «Битва за Ленинград». Астрель, 2008 г.

нии, идущей строго с севера на юг, фронт остановился надолго. В течение всей трехлетней битвы за Ленинград он будет ареной кровопролитнейших боев, забытых до конца дней всеми жившими в них солдатами — как русскими, так и немецкими.

Левый берег Невы от Иваньковского* до Шлиссельбурга, западный (и отчасти южный) берег Ладожского озера, Сиявинские и Келлоловские высоты, ст. Мга и участок железной дороги Мга—Волховстрой до р. Нази и участки шлиссельбургско-сиявинский выступ, названный противником «бутылочным горлом».

Разбить это «горло» шириной в 16 км и выйти к Неве — значит, лишить наш город от удушающей его смертоносной блокады. Реальная возможность достичь этого с минимальными потерями была только в сентябре 41-го, пока немцы не возвели здесь мощные фортификационные сооружения, на которых легли тысячи наших бойцов. Промедление поистине оказалось смертю подобно.

Недеспособная 48-я армия, просуществовав всего месяц, была рассечена противником на две части и расформирована. Вместо нее в сиявинские леса и болота направили подразделения спешно формируемой 54-й армии под командованием маршала Г. И. Кулика. В нее вошли 285-я, 286-я, 310-я, 314-я стрелковые и 27-я кавалерийская дивизии, а также 122-я танковая бригада, три корпусных артополка, два полка МиГ-3, авиаполки. Позднее в нее влились также части 48-й армии, которые после сдачи Шлиссельбурга оказались за блокадным кольцом.

«Наступали «с колес». 9 сентября прямо с марша пошла в бой 310-я (акмолинская) дивизия. За два дня она вклинилась в оборону противника на 6 км. 1080-й сп, наступавший вдоль Путиловского тракта (проложенного еще при Петре I от Невы до Архангельска), сбил боевое охранение немцев у д. Апраксин Городок и овладел д. Гонтовая Липка. Наступая в темноте на Рабочий поселок № 7, попал под массированный огонь противника, понес большие потери и отошел на восточный берег р. Черной.

1082-й сп, продвигаясь по просеке высоковольтной линии электропередач, был отрезан от основных сил дивизии и с потерями также отошел за р. Черную.

1084-й сп майора Юргова, наступая на д. Мишкино, оказался в окружении за железной дорогой и с большим трудом пробился к своим**.

* Село в устье р. Тосны, входит в состав г. Отрадное Кировского района Ленинградской области.

** ЦАМО, фонд 310 сп, оп. 1, д. 3; оп. 2, д. 4. Цит. по М. Кусаинов. Тайны сиявинских болот и высот. — Астана, 2004.

286-я сд прибыла из Череповца 6 сентября. Наспех сколоченная, необученная дивизия 9-го заняла исходные позиции у пос. Михайловский и 10-го, без артподготовки и прикрытия с воздуха, была брошена в бой. Боец этой дивизии К. Д. Григорьев вспоминал: «Выгрузили нас с эшелона на станции Войбокало. В сентябре это было. Политрук сказал: — Немцы окружили Ленинград, надо освободить колыбель революции от вражеских оков. Пошли в атаку со штыками наперевес. По болоту... Вода выше колен, деревья стоят чахлые — не спрячешься. Немцы на высотах засели, по нам из минометов шпартят, из пулеметов поливают, а мы идем... И они пошли на нас. Идем навстречу, стреляем друг в друга. Только мы из винтовок, а они из автоматов и ручных пулеметов. Раненые падали, даже кричать не могли, тут же захлебывались в болотной жиже. Моему товарищу миной голову оторвало. Оборачиваюсь, а он стоит, но без головы. Шинель зацепилась за срубленный ствол березки, и держит... Потом написали — мол, пропал без вести. Такими «пропавшими без вести» все болота от Войбокало до Сиявино выложены... Но я отомстил за него. У немца-пулеметчика патроны кончились. Он стоит, орет на своего помощника, который за ним тащил цинковый ящик с пулеметной лентой. Вот я сначала подносчика патронов застрелил, а потом и пулеметчика успокоил. Он пулемет бросил и на меня с ножом бросился, я его штыком достал... Из нашей роты в том бою семеро в живых осталось. Если книгу об этом писать, то каждую страницу надо слезами омывать».

Историк Ю. А. Сяков, исследовавший ход боевых действий на внешнем кольце блокады, писал: «10 сентября, утром, 286-я, выполняя приказ, атаковала противника в направлении на Мгу. Немцы отразили все атаки. На следующий день противник атаковал крупными силами пехоты при поддержке танков. Немцы провалились на КП дивизии у д. Поречье. В этом бою погиб комиссар дивизии Л. Данилов, который возглавлял контратаку. Комдив п-к Г. Соколов, собрав отступавших через лес бойцов и командиров, повел их в атаку на врага и тоже погиб. В результате, потеряв общее управление [...], полки 286-й оказались отброшенными на 10 км, оставив врагу дд. Вороново и Поречье. Но они сумели удержать фронт по р. Нази. Потери за два дня боев составили более половины штатного состава дивизии».

Командир батальона 996-го сп 286-й сд А. Д. Гутман рассказывал: «Полки пошли обгивать станцию Мга, а навстречу — немецкие танки. Подавили они нас сильно, люди дрогнули, и мы откатились

* Цит. по: Г. Г. Самсоненко, Ю. А. Сяков. Сражение за Волхов. — СПб.: Знание, 2003.

на несколько километров. Мне пришлось из "тылового" сформировать роту и вместе с ней идти в штыковую атаку. Штаб дивизии немецкие танкисты стерли в пыль. Уже через день, приведя себя в порядок, мы снова пошли вперед. Бои были очень упорными». В немецком журнале боевых действий группы армий «Север» за 11 сентября зафиксирована задача:

«Группа наносит удар по остаткам войск противника южнее Ладожского озера; входит в соприкосновение с финнами западнее Ладожского озера. Соединение с ними восточнее Ладожского озера следует искать, когда высвободятся соответствующие силы и будет обеспечено уничтожение противника под Ленинградом».

Сталин и Ворошилов (с 5 сентября он стал командующим Ленфронтом*) требовали от маршала Кулика продолжения наступления. К. Е. Ворошилов писал Г. И. Кулику: «Почему Вы ничего не сообщаете о действиях и намерениях 54-й армии, ведь она должна работать в тесном взаимодействии с войсками Ленфронта?»

Взаимодействия, к сожалению, не было. 54-я армия считалась отдельной и подчинялась непосредственно Ставке.

13 сентября маршала К. Е. Ворошилова на посту командующего Ленфронтом сменил генерал армии Г. К. Жуков. В том, что блокада Ленинграда не была прорвана в сентябре 1941-го года, он впоследствии обвинит исключительно командарма-54 маршала Г. И. Кулика.

Действительно, Г. И. Кулик не был гениальным полководцем — как, впрочем, и другие военачальники времен Гражданской войны: Ворошилов, Буденный, Тимошенко. Их некомпетентность в военных вопросах усугублялась страхом перед Сталиным, лишившим возможности принимать самостоятельные решения.

13-го сентября немцы захватили Красногвардейск (Гатчину), 15-го ворвались в Урицк (Лигово), 17-го — в Детское Село (г. Пушкин). Но сил для одновременного ведения наступательных боев на разных участках Ленинградского фронта у немцев не хватало.

Командующий группой армий «Север» фельдмаршал Р. фон Лееб получил указание Главного управления сухопутными войсками начать с 15-го сентября отвод танков с синявинского направления, а командир 1-м воздушным флотом сообщил, что 8-й авиакорпус и основные силы 1-го авиакорпуса переводятся на другой участок.**

* Ленинградский фронт выделен из Северного фронта 23.08.41. Первым командующим фронтом был г.-л. М. М. Попов.

** Здесь и далее: Лееб Вильгельм Риттер фон. Дневниковые заметки и оценки обстановки в ходе двух мировых войн. — Штутгарт: Изд-во Дойче ферлагсаншталь, 1976. Отрывки за период с 30 августа 1941 г. по 17 января 1942 г. Цит. по: Лебедев Ю. М. По обе стороны блокадного кольца (в переводе автора). — СПб.: Изд. Дом «Нева», 2005.

В ночь с 19 на 20 сентября неожиданно для противника на левый берег Невы, к Московской Дубровке, переправился батальон 576-го сп 115-й сд под командованием капитана В. П. Дубика, 20-го — батальон 638-го сп капитана В. К. Менькова и батальон 4-й бригады морской пехоты. Немецкие части, захватившие левый берег Невы, отступили за шоссе. Образовался плацдарм, получивший позднее название «Невский пятачок», известным героизмом своих защитников и невиданным количеством жертв.

20 сентября состоялся разговор Г. И. Кулика по прямому проводу с Москвой.

«Сталин: — В эти два дня, 21-го и 22-го, надо пробить брешь во фронте противника и соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно. [...] Если вы еще будете запаздывать, немцы успеют превратить каждую деревню в крепость, и вам никогда не придется соединиться с ленинградцами. [...]

Кулик: — Я имел в виду перейти в наступление после прихода новых дивизий, т. к. существующие оказались недостаточными. Только вернулся из боя. Целый день шел сильный бой за взятие Синяино и за взятие Вороново [...].

Сталин: — Новые дивизии даются вам не для взятия станции Мга. Наличных сил вполне достаточно, чтобы станцию Мга взять не один раз, а дважды.

Кулик: — Докладываю, что наличными силами, без ввода новых частей, станцию Мга не взять. За четыре дня боев у нас убыло 10 тысяч человек убитыми и ранеными (выделено мною. — И. И.). Противник переходил несколько раз в контратаки, несмотря на губительный огонь с нашей стороны (я применял сегодня оба "РС", ввел все резервы), но успеха не имел. Поэтому я сегодня приказал закрепиться на существующих позициях, зарыться в землю, завтрашний день приводить части в порядок и влить пополнение. Повторяю, что эти четыре дня боя были очень жестокими, где перемалывалась живая сила с обеих сторон, и противник уже к концу третьего дня боя заменил побитые дивизии новыми*.

Ю. А. Сяков в статье «Первая Синявинская операция**» считает слова маршала Кулика о «побитых немецких дивизиях» преувеличением и приводит данные командования группы армий «Север» о потерях в пехотных дивизиях на шлисельбургско-синявинском выступе в ходе сентябрьских боев: убито офицеров — 2, рядовых — 130; ранено 13 офицеров, 554 рядовых.

* Блокада Ленинграда в документах рассекретенных архивов. — СПб., 2004. — С. 45–46.

** Военно-исторический журнал. — 2005. — № 4.

Подготовка к наступлению не осталась незамеченной противником. Фельдмаршал фон Лееб записал в дневнике 20.09.41: «Противник стремится выйти с восточка к Неве, чтобы отсюда совершить прорыв к окруженному городу. Это единственная для него возможность решить в свою пользу судьбу Ленинграда».

24 сентября 310-я сд с танками 122-й бригады выбила немцев из Гайтолово и вышла к р. Черной: 1-я отдельная горнострелковая бригада с танками 16-й бригады нанесла удар по правому флангу немецкой обороны из района Михалева. Защищенная с флангов, 286-я сд наступала вдоль железной дороги на Мгу и, как вспоминает комбат А. Д. Гутман, «отбила у немцев примерно семь километров территории, но дальше наступать у нас уже не было сил. Потери наши были просто колоссальными. Батальон легких танков, который нам придали для поддержки, был выбит в течение дня... Но мы уцепились на позициях в районе деревень Мишкино—Порече и не отошли ни на шаг».

Ветераны 286-й не забыли павших однополчан и, уже в наши дни, добились установки скромного памятника на высоком берегу извилистой Нази. Его редко посещают люди: деревни Вороново и Порече, залитые кровью их защитников, исчезли с лица земли. Но колышутся вокруг обелиска луговые травы и щебечут беззаботно птицы в надежде, что сюда никогда не вернется война...

А тогда, в осенние дни 41-го, «завоеватели жизненного пространства» были крайне озабочены возможным крушением своих дьявольских планов.

Начальник германского генштаба сухопутных войск г.-п. Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «День 24 сентября был для ОКВ в высшей степени критическим днем. Тому причиной неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый нами участок на восточном берегу Невы».

Реакцией Гитлера на наше контрнаступление в направлении Синявина были, как свидетельствует Ф. Гальдер, следующие незамедлительные меры:

- а) доставка самолетами группе армий «Север» 20 000 мин;
- б) задержка переброски 36-й моторизованной дивизии (на ливонское направление. — И. И.);
- в) переброска в группу «Север» двух полков парашютистов;
- г) переброска одного пехотного полка из состава группы армий «Центр» самолетами в группу армий «Север»;
- д) переброска в группу армий «Север» 72-й дивизии с запада.

«О чем все это говорит? — ставит вопрос в своей статье «Удупенная возможность»* военный историк Н. Сорокин. — О том, что первые наши контрудары с двух сторон привели к кризису в войсках противника, посеяли сомнения в их способности удерживать захваченный район Мгинского выступа. [...] В пределах Шлиссельбурга, — сообщает Н. Сорокин, — немцы располагали двумя танковыми (8-я и 12-я), одной моторизованной (20-й) дивизиями и подразделениями 122 пд. С нашей стороны в данном районе действовали: на правом берегу Невы — две дивизии, на левом — одна и четыре бригады морской пехоты. 54-я армия имела три дивизии, отдельную горнострелковую бригаду, 16-ю и 122-ю гбр».

Как видим, особого недостатка наших сил не было. Только действовали они порознь и с опозданием.

20 сентября 54-я армия получила из резерва Ставки 3-ю (комдив — полковник Н. А. Гаген) и 4-ю (командир — г.-м. А. И. Андреев) гвардейские стрелковые дивизии. Численность боевого состава в каждой из них не превышала 3-х тысяч человек, которые фактически пошли на возмещение потерь в измотанных двухнедельными боями 310-й и 286-й дивизиях.

И на передовую прибывшие войска попали не сразу. Сначала они были включены в резерв армии, потом занимались маскировкой и рекогносцировкой, и только после 24 сентября поочередно вводились в сражение.

В донесениях 4-й гв. сд сказано, что 25.07 подразделения вели бой за Гонтовую Липку против двух батальонов противника и 26 сентября овладели рошей Круглой. Это название будет фигурировать в наших сводках вплоть до октября 43-го года как совершенно неприступный опорный пункт противника («Нос Венглера», как именовали его немцы по имени командира 366-го пехотного полка полковника Венглера). Но в сентябре 41-го, этот «нос» еще не был столь неприступным. Просто наше неумение закреплаться на достигнутых рубежах, несогласованность действий частей по вине армейского руководства привели к тому, что успехи оказывались недолговечными.

26 сентября Ставка освободила Г. И. Кулика от командования армией и включила 54А в состав Ленфронта. Управление армией было возложено «по совместительству» на начальника штаба фронта г.-л. М. С. Хозина. В тот же день в войска поступила директива Ставки ВГК № 002339 о формировании 4-й армии, для которой из 54-й изымались две дивизии и танковый батальон.

* Ленинградская панорама. — 1988. — № 7. Цит. по сборнику «Ленинградская битва. 1941—1944». — СПб., 1995.

Новая армия предназначалась для удержания Киришей. Но ослабление боевого состава 54-й и отсуствие твердого руководства ее войсками никак не способствовали успеху Сиявинской операции.

Наступление 3-й гвардейской дивизии на Гайтолово началось 28 сентября силами одного, 435-го, полка. Ветеран В. Стебунов вспоминает:

«Линия фронта проходила через болота и торфяные топи. Окопы и землянки рыть было бесполезно: их сразу заливало водой. Приходилось под огнем врага строить валы из чихлых деревьев и земли, за ними укрываться. Ни прилечь, ни согреться у огня; спать приходилось сидя на корточках. Промокшие, голодные и злые, пошли в атаку. Девять атак отбили немцы. Затем отошли за р. Черная. С огромными потерями дивизия овладела 1-м Эстонским поселком. Дальше пробиться не удалось. За пять дней боевой дивизии иссякли. И она была отведена с переднего края».*

29 сентября подразделение НОГ** форсировали Неву и атаковали части 96-й пд противника. 30-го была попытка высадить десант юго-восточнее Шлиссельбурга в районе Петрушино, закончившаяся неудачей.

1 октября фон Леиб отмечает: «Сегодня противник вновь атаковал в нескольких местах, однако численность атакующих в сумме не превышает батальона. Это же касается действий противника в полосе действий 39 АК (район Сиявино — *сост.*)... Каждый день означает для нас выигрыш во времени, т. к. ежедневно прибывают новые подкрепления; опасность, подстерегающая нас, уменьшается».

Спустя два дня 3-я гвардейская снова наступала в направлении Мги, а 4-я гв. сд — к о. Сиявинскому, но обе были остановлены минометным и артиллерийским огнем из долины р. Черная. Боевые донесения из дивизий со 2 по 8 октября свидетельствуют об ежедневных безуспешных атаках наших войск.

Ветеран 16-й танковой бригады М. Казачинский вспоминал: «Атаки в направлении Гонтовой Липки, рощи "Круглая", Рабочего поселка № 7 (...). Фашисты сосредоточили немалую наземную и воздушную мощь против свежих советских сил. Все танкодоступные направления были под многослойным перекрестным огнем (...). Горели лесные массивы, торфяники. Горело железо танков. Казалось, вода кипела в речках Назия и Черная. Но наши тан-

* Стебунов В. Под знаменем, овеянным славой // Волховские огни от 23.11.1988. Цит. по: Сяков Ю. А. Первая сиявинская операция. — ВИЖ. № 4. — 2005.

** Невская оперативная группа, созданная 22.09.41 г. — *сост.*

кисты сквозь удушливое пламя, через непролазные топи рвались на выручку города Ленина.»

Между тем запасы продовольствия в Ленинграде таяли с каждым днем. Хлебопекарни начали выпускать хлеб с примесями отрубей, жмыха, солодовой и соевой муки. Доставка зерна судами Ладужской флотилии от Новой Ладоги до порта Осиновец не обеспечивала потребностей города с населением в два с половиной миллиона человек. Транспорт и баржи подвергались беспрепятственным налетам вражеской авиации и нередко тонули. Часть зерна поднималась со дна озера водлазами.

6 октября на запрос Ставки о положении на Ленинградском фронте Г. К. Жуков доложил, что фашистские войска понесли под Ленинградом большие потери и перешли к обороне.**

В своих мемуарах, опубликованных после войны,*** Георгий Константинович придерживается того же мнения: «В начале октября разведка фронта доложила, что немцы роют землянки, утешают блиндажи, укрепляют передний край минами и другими инженерными средствами. Разведчики сделали правильный вывод: противник готовится к зиме. Пленные подтвердили это предположение. Впервые за много дней мы реально осознали, что фронт на подступах к городу выполнил свою задачу и остановил наступление гитлеровских войск» (выделено *сост.*).

Такой оптимистический вывод оказался, к сожалению, ошибочным. Гитлер, — как свидетельствует фон Леиб, — еще 2 октября задумал наступательную операцию через Чудово в направлении Волховстрой — Тихвин с тем, чтобы, зайдя в тыл нашим войскам, находящимся между Волховом и Ладужским озером, окружить их и уничтожить. Для этих целей немцы получили свежие 217 и 212 пд. Вероятно, советскому командованию эти факты в то время не были известны.

В связи с осложнившейся обстановкой под Москвой Жукова отозвали в Ставку. Командующим ЛФ был назначен г.-м. И. И. Федюнинский.

В телеграмме, направленной 12 октября Военному совету Ленинграда, Ставка требовала незамедлительно овладеть ст. Мга и освободить железную дорогу Мга — Волховстрой. В утвержденном 14 октября плане наступления силами 54-й и 55-й армий ука-

* Казачинский М. Почти три тысячи километров с боями // Волховские огни от 08.09.1973. Цит. по: Сяков Ю. А. Первая сиявинская операция (ВИЖ. № 4. 2005).

** История ЛенВО. — Воениздат, 1974.

*** Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. — М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1974.

зывается: «Соединение осуществить при помощи одновременного удара с двух сторон в районе Синявино, Подгорная, Рабочий поселок № 6, Дубровка, 1-й городок».

А 16 октября немцы форсировали Волхов и начали наступление на Тихвин. «Сегодняшнее наступление 39 АК, — пишет фон Леоб, — проходит исключительно благоприятно».

20-го октября началось наступление наших войск — 2-я синявинская операция. «Для участия в ней привлекались 63 тыс. человек, 475 орудий и 97 танков. Противник имел на синявинском направлении 54 тыс. человек и 450 орудий. Наши войска атаковали вражеские позиции с востока и запада. На отдельных участках они потеснили гитлеровцев, но серьезного успеха не достигли».*

В этот день фон Леоб записал в дневнике: «39-му АК не удалось расширить фронт наступления. Захвачены два плацдарма: южный 25×20 км и северный 15×15 км». 21 октября: «... Атаки русских под Шлиссельбургом. Войска переправляются через Неву и с востока пытаются атаковать части 227 пд».

По Неве и переправам немцы вели массивный артиллерийский и минометный огонь, не хватало переправочных средств для переброски войск, танков и орудий. Положение 54-й армии также осложнилось.

23 октября Ставка телеграфировала в Ленинград: «Не прекращая активных действий по прорыву блокады, перебросить к Тихвину две дивизии 54-й армии, а также 191-ю, 44-ю стрелковые дивизии и 6-ю бригаду морской пехоты из Ленинграда».

Усиливая тихвинскую группировку, Ставка приказывала Ленинскому фронту не прекращать наступления на синявинском направлении, чтобы сковать здесь как можно больше сил противника.

Во Второй синявинской операции в октябре сорок первого возможности прорвать блокаду у нас уже не было.

Судами Ладужской флотилии 191-я сд была перебросена через Ладужское озеро в район Ситомли, 44-я — к Тихвину. Отстоять Тихвин не удалось: он был сдан 8 ноября. Однако спустя месяц, 9 декабря 1941 г., в ходе упорных боев город был освобожден.

Немцы ожидали в декабре нового наступления наших войск в районе «бутылочного горла» (шлиссельбургско-синявинского выступа), но Ставка ВГК приняла решение о прорыве вражеской обороны на Волхове южнее Грузино. 17 декабря был образован Волховский фронт, 13 января 1942 г. началась Любанская наступательная операция. А на синявинском направлении стороны

перешли к обороне. Фронт здесь установился по реке Нази вплоть до 27 августа 1942 года, когда началась 3-я синявинская операция, о чем будет рассказано во второй части книги.

Памятник воинам 286-й на берегу р. Нази

* Архив штаба ЛенВО, инв. № 138, стр. 94, док. 760.

А. Д. ГУТМАН
лейтенант, командир
батальона 996-го сп 286-й сд

Здесь каждый метр полит солдатской кровью*

Родился я в Киеве в 1915 году в семье портного. До войны окончил техникум и три курса индустриального института. В 38-м меня призвали в РККА, и я попал в школу комсостава автомобильных войск.

Служил я в 8-й отдельной автотранспортной бригаде округа, дислоцированной в Киеве. Бригада была оснащена грузовиками ЗИС-5 и занималась перевозкой пехотных частей. В декабре 1940 года в звании лейтенанта был демобилизован. Моя гражданская работа была связана со строительством секретных военных объектов. (...) Война застала меня в Заполярье, где строилась секретная база флота. Уже 24 июня я был в штабе Архангельского ВО. Посмотрели мой военный билет, грустно развели руками и сказали, что в округе не формируются автотанковые части. Оставили в штабе округа в оперативном отделе. Какое-то время я там карты с места на место переключивал, потом мне все это надоело, пришел к начальнику штаба и потребовал отправки на фронт. Без каких-либо проблем получил направление в Череповец, где формировалась 286-я сд, в 996-й стрелковый полк на должности помощника НШ по тылу. Если два соседних полка дивизии были уже укомплектованы призывниками из Череповца и районов Вологодской области, то наш полк был полностью укомплектован только комсоставом.

* Интернет-сайт «Я помню. Воспоминания — пехотинцы». Интервью и лит. обработка Г. Койфмана. Печатается с сокращениями.

Прошло пару недель, и из Ленинграда прибыл эшелон с более чем тысячей призывников. Комполка майор Никишин приказал построить всех на плацу. Все офицеры штаба вышли к строю, представились. Никишин начал вызывать. — Пулеметчики есть? Вышли трое. Дальше: — Артиллеристы, выйти из строя! Вышло восемь человек.

Мне в тыловые службы нужно было набрать всего с пару десятков бойцов. Но, когда я обратился к новобранцам с вопросом: — Повара, парикмахеры, сапожники есть? — сразу почти сотня человек сделала два шага вперед. После этой «переклички» десятки других солдат окружили меня, объясняя, что кто-то мундык, кто-то может шить и так далее. Стало мне очень неловко: всех по тылам не рассуешь, кто-то и воевать должен...

Все дело в том, что наш набор состоял из людей в возрасте 25–30 лет, большинство из которых имели, как тогда говорили, «интеллигентные профессии». Единицы прошли действительную службу в армии. Но, когда начались бои, все эти ребята показали себя с самой лучшей стороны. Кадровые части драпали, а бойцы нашего полка героически дрались до последнего патрона, никогда не отходя без приказа.

Артиллерийского вооружения в полку не было. Полковая батарея была организована уже после того, как мы два месяца были на передовой. Но со снарядами и тогда был полный «швак». Дело доходило до того, что на батарее оставалось по пять снарядов на орудие, и действовал строгий приказ: огонь открывать только в случае танковой атаки.

Батальоны имели по четыре пулемета «максим» и взводу 50-миллиметровых минометов. Бойцы были вооружены винтовками — трехлинейками, каждому выдали по гранате и по бутылке «КС» с зажигательной смесью. Винтовки были у всех, так что рассказы про то, как одна трехлинейка приходилась на троих бойцов — это не про нашу дивизию. Автоматов ППП в 41-м году еще не было. В моем подчинении оказались командиры тыловых и специальных служб, сотни людей, несколько майоров и капитанов. Вскоре начальник штаба капитан Кузнецов мне сказал: — Саша, сними свои лейтенантские «кубики» с петлиц, а то некоторые из комсостава смущаются...

Завершить боевую подготовку мы не успели. Дивизия ушла на фронт «сырой». В начале сентября нас подняли по тревоге и вместе с ожидаемой отправки на Северный фронт бросили подо Мгу.

Эшелон с тыловыми службами дважды бомбили по дороге, но нам крупно повезло. Человеческих жертв было мало, зато погибло много лошадей. Высадились на ст. Войбакало. Я доложил

комдиву полковнику Г. Соколову о прибытии эшелона. До войны Соколов был начальником пехотного училища то ли в Самаре, то ли в Саратове. Спустя два дня его убило вместе с комиссаром дивизии Л. Даниловым.

А дальше — «с колес в бой». Полки пошли отбивать ст. Мга, занятую немцами, а навстречу — немецкие танки. Подавили они нас сильно. Люди дрогнули, и мы откатились на несколько километров назад. Мне пришлось из «тыловиков» сформировать роту и вместе с ней идти в штыковую атаку. Штаб дивизии немецкие танкисты стерли в пыль.

Уже через день, приведя себя в порядок, мы снова пошли вперед. Бои были очень упорными. В конце сентября, дивизия отбила у немцев примерно семь километров территории, но дальше наступать у нас уже не было сил. Потери наши были просто колоссальными. Батальон легких танков, который нам придали для поддержки, был выбит в течение дня, а с одними винтовками много не навоеешь. Там танков немецких было столько, что нашей дивизии изначально был уготована печальная участь.

Но... За исключением первого боя 10 сентября и еще одного в конце сентября, когда мы отступили перед танками, не имея возможности их остановить, дивизия уцепилась за позиции в районе Мишкино — Поречье и не отошла ни на шаг. Помню, в Мишкино, на высоте, немцы вкопали в землю три танка, у которых кончилось горючее, и расстреливали из танковых пушек наши атакующие цепи. Просто не давали нам житья. Стали набирать группу добровольцев, которые должны были ворваться в деревню и уничтожить эти проклятые танки. Вызвались сотни людей! На верную смерть...

Ночью отобранная группа добровольцев подобралась к этим танкам, забросала их гранатами и с малыми потерями вернулась в полк. Каждый день мы поднимались в атаку в надежде отбросить немцев на запад и каждый день хоронили своих товарищей. Бомбили нас немцы почти ежедневно, а свои бомбардировщики мы впервые увидели только в декабре...

В синявинских болотах подо Мгой, в неизменно тяжелых условиях, дивизия постоянно вела активные боевые действия. Здесь каждый метр обильно полит солдатской русской кровью.

Лишь первые недели на фронте нас кормили сносно. Осенью сорок первого хлеба не было, выдавали сухари. В декабре мы просто голодали. Зимой получали по 100 г сухарей на человека и раз в день горячее питание — кашу или загируху. Иногда можно было увидеть в каше тонкий лоскуток мяса — значит начпрод раздобыл несколько банок мясных консервов. Несколько раз вместо горячего выдавали по банке рыбных консервов на двоих.

Главным «лакомством» было мясо убитых или павших лошадей. Если где-то убьют коня — делили на все роты по-честному.

Командиры допайков не получали. Единственное отличие, что вначале нам выдавали папирасы, потом перешли на махорку, а вскоре и ее не стало.

Голод некоторых лишил благоразумия. Пример: врывается в немецкую траншею. Надо сразу закрепляться или идти вперед. Но многие, с таким трудом преодолевшие смертельные метры нейтральной полосы, забывали об инстинкте самосохранения и начинали искать съестное в немецких окопах. Немцы сразу заваливали нас минами и снарядами, и тем, кому удалось уцелеть, приходилось отходить назад.

Ничего... Главное — выстояли!

За полгода «моей» войны я помню всего два случая малодушия: одного дезертира и одного «самострела». Оба были расстреляны перед строем. Перебежчиков не было. Нам зачитывали приказ по фронту, что в случае сдачи в плен семьи предателей будут репрессированы. Наверное, кого-то этот факт от измены сдерживал...

Для меня лично сама мысль, что немцы будут измываться надо мной в плену, была невыносима. В конце сентября сорок первого немецкие танки прорвались на наши позиции, и мы оказались в окружении. Нас в землянке было трое: командир стрелковой роты, солдат-связист и я. Танки остановились метрах в сорока от нашей землянки. Мы решили умереть, но не сдаваться. Договорились взорвать себя гранатами вместе с немцами. Свои документы закопали в углу землянки в надежде, что наши их потом найдут и узнают, как мы погибли. Взяли в руки по гранате и стали ждать, когда немцы ворвутся в землянку. Но до вечера их пехота не подошла, а в темноте мы пробрались к своим. Выйти же в той ситуации к немцам с поднятыми руками — даже на мгновение мысли такой не возникло!

По поводу репрессивных органов. У нас в полку даже не было своего «особиста». Особый отдел находился только в штабе дивизии. Когда кто-то из его работников приходил в батальон, то никогда не афишировал принадлежность к «органам», просто представлялся: «старший лейтенант такой-то из штадива», беседовал с бойцами и удалялся. Штрафных частей на Ленфронте, а потом на Волховском, я в это время не помню.

Месяц я пробыл с ротой на передовой, пока в каждом полку не ввели должность «координатора». В месте, где намечалась наша атака или немцы шли на прорыв, обязан был находиться офицер штаба полка, ответственный за выполнение боевой задачи. У него

было несколько функций: дублер комбата, контролер, обеспечение связи и т. п. К тому времени я уже успел заслужить репутацию боевого командира и был представлен к ордену.

Про тот первый орден рассказывать особенно нечего. С остатками роты шли мы как-то после боя через лесок. На данном участке сплошной обороны у немцев не было. Смотрим, по дороге идет колонна из пяти машин, груженных боеприпасами в сопровождении нескольких мотоциклистов. Немцев мы перебили, а машины остались целыми. Вот и мелькнула шальная мысль, что зря машины жечь не стоит. Кроме меня, еще двое в группе могли сесть за руль. Мы и пригнали их в свое расположение, за что меня наградили орденом Красной Звезды.

Сдав командование тылами, я стал тем самым «координатором». Но пробыл им недолго: погиб один из комбатов и меня назначили на его место. Я принял батальон.

Зима 1941–1942 гг. была очень суровой. Идет солдат, а у него с полы шинели сосульки свисают. Некоторые снимали шинели с трупов и ходили в двух одетых на себя шинелях. Шапки-ушанки были у всех, а валенок не хватало, и бывало, что люди замерзали насмерть. Задачей и целью было дожить до следующего утра. В те зимние дни никто далеко не загадывал, и никто не рассуждал, как он в Германию ворвется «на горячем боевом коне».

Шли тяжелые бои перед Черной речкой. Наши позиции отделили от немецкой передовой траншеи всего 70–100 метров. Десятки раз (я повторяю — десятки!) мы ходили в атаку, пытаясь преодолеть эти гибельные и страшные сто метров и выбить немцев. Неоднократно мы захватывали первую и вторую линии траншей, но немцы нас быстро выбивали обратно. На этом клочке земли остались навечно сотни солдат нашего полка. В феврале сорок второго мы захватили всю линию немецких укреплений и закрепились на ней намертво. Было это так.

Однажды в пять утра с нашей стороны раздался залп «катюш». Все мы были поражены, увидев шквал огня, стерший с лица земли лес в глубине немецкой обороны. Через пять минут и мы пошли «в штyki». Все три линии окопов брали в жестоком рукопашном бою. И, когда казалось, что все уже закончилось, с пригорка застрочил немецкий пулемет. Пули попали мне в плечо и грудь. Я упал в снег. Следующей очередью немец «прошил» всю правую сторону моего тела. Еще семь пуль в руку и ногу... Ребята меня выгнали, отправили в санбат.

На следующий день меня навестил комиссар полка Заикин. Принес мою планшетку и сказал, что на меня и на командиров рот, участвовавших в этом бою, направлены представления на на-

граждение орденами Красного Знамени. Наутро комиссар полка погиб вместе с комполком...

После ранения я два года провел в госпиталях, правые рука и нога не действовали и меня демобилизовали по инвалидности.

После войны я пришел раз в военкомат за какой-то справкой для медкомиссии и заодно попросил выяснить судьбу награжденного листа. Из Москвы пришел ответ: «Документ в архиве не найден». Слуга двадцать с лишним лет череповецкие поисковики нашли в архиве наши награжденные листы. Меня вызвали к облвоенкомату и вручили орден Отечественной войны I степени. А мой командир ры рот войну не пережили — погибли там же, в синявинских бо-логах.

Беседуя с бывшими фронтовиками, я для себя открыл, что командиры сорок первого года и те офицеры и политработники, которые победоносно заканчивали войну в Берлине, очень сильно отличаются друг от друга по манере поведения и степени активного участия в боях.

Комсостав сорок первого года был ближе к простому солдату. И дело не в том, что на нас не было золотых погон, а они вышли из войны с психологией победителей.

Я не могу себе представить, как бы в должности комбата сам не повел бы солдат в атаку. Меня бы через час «к стенке» поставили за трусость. И дело даже не в этом. Просто в нашей дивизии было так принято: действовать только личным примером. Говорят, что в других частях не видели на поле боя офицера в звании старше капитанского.

У нас комиссар соседнего полка пошел в атаку с винтовкой в руках вместе с рядовыми и погиб как простой солдат. В обычную атаку, а не на прорыв из окружения!

Мой политрук батальона был обязан поднимать людей в атаку. Может, по ночам он и писал донесения в политотдел, но в бой ходил лично.

Наш комполка Никишов — «военная косточка», человек внешне сухой и бесстрастный, живший по уставу, не позволявший себе проявления каких-либо «гражданских» эмоций, мог в бою сам лечь за пулемет вместо убитого пулеметчика. Такой эпизод произошел на моих глазах.

По приказу Никишова штаб полка располагался в 500 метрах от передовой, мог быть поражен при артобстреле, но бойцы видели из окопов, что командир рядом.

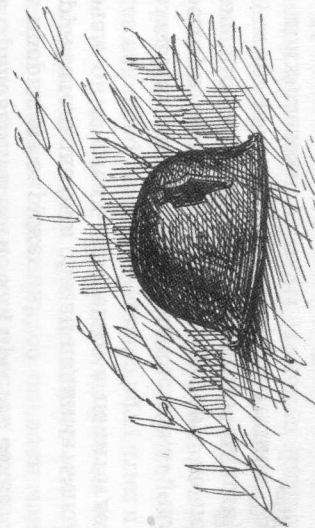
Командир дивизии Емельян Васильевич Козик — невысокий крепкий мужик, бывший пограничник, мог прийти в окопчик боевого охранения, встать рядом с солдатам по колению в гнилую

ледяную воду и угостить его куревом. И это не была работа «на публику», или поиск дешевой популярности. Просто у нас была общая Родина и общая цель — отстоять Ленинград.

Те же череповецкие школьники организовали поиск ветеранов нашей 286-й дивизии. На первую встречу в Ленинград через 20 лет после Победы приехало 280 человек, из них 50-60 — вставших с сорок первого года. Большинство — из 994-го сп. Из моего полка я был один. Неужели все погибли?! Я не хотел в это верить. Позже ребята из поискового отряда разыскали еще двоих из 996-го полка первого формирования. Один из них жил в Казани — инвалид, прикованный к постели. Второй — бывший солдат стал директором совхоза в Ростовской области. Но из своего батальона я встретил только одного человека, когда ветераны 286-й еще через 5 лет снова собрались на встречу. Ко мне подошел молодой мужчина и сказал:

— Товарищ комбат, лейтенант мой дорогой! Мы так тебя любили и гордились тобой!

Эти слова были для меня высшей наградой за все, что я успел сделать на войне... Мы с ним обнялись и заплакали. Перед глазами снова всплыли позиции под Синявином, февральское морозное утро, усталая труппа наших бойцов нейтральная полоса и лица наших товарищей, сжимающих в руках винтовки, готовых броситься в новую атаку, которая для многих станет последней в жизни...

Просыпаюсь и курю...
Засыпаю и в тревожном
Сне
...о подлинном и ложном
С командиром говорю.

Подлинное — это дот
За берегами, вон тот.
Дот как дот, одна из точек,
В нем заляжет на всю ночь
Одиночка-пулеметчик,
Чтобы нам ползти помочь.

Подлинное — непреложно:
Дот огнем прикроет нас.
Ну, а ложное — приказ...
Потому что все в нем ложно,
Потому что невозможно
По нейтральной проползти.
Вырочем... если бы... саперы...
Но приказ — приказ, и споры
Не положено вести.
Жизнью шутит он моею,
И, у жизни на краю,
Обсуждать приказ не смею,
Просыпаюсь и курю...

пшс — полевая почтовая станция
 ПППШ — пистолет-пулемет Шпагина
 ПТР — противотанковое ружье
 РВК — райвоенкомат
 РГК — резерв Главного командования
 сб — стрелковый батальон
 СВТ — самозарядная винтовка Токарева
 сд — стрелковая дивизия
 сл — стрелковый полк
 тб — танковая бригада
 УА — ударная армия
 ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны
 ЦГАКФФД — Центральный государственный архив
 кинофотофонодокументов
 Штаб — штаб армии
 ЭГ — эвакуогоспиталь

Оглавление

Часть I. Год 1941-й	3
И. А. Иванова. Тревожный сентябрь сорок первого	5
М. К. Кусаинов. 310-я вступает в бой	16
Н. И. Ляшенко. Герой 310-й остановили врага	28
Павел Шубин. Наша земля	72
С. А. Данич. Саперы сорок первого	74
В. М. Жагала. Расчищая путь пехоте	78
А. Д. Гутман. Здесь каждый метр полит солдатской кровью	90
Александр Межиров. Просыпаюсь и курю	97
П. М. Демидов. Между Мгой и Назией	98
Александр Межиров. Споры	110
И. Ф. Пашков. Труднее всего было под Ленинградом	111
Б. В. Веселовский. На Ленинградском фронте	114
Часть II. Год 1942-й	121
И. А. Иванова. Осенью сорок второго	123
А. Ф. Хренов. Сиявинская наступательная операция (август—сентябрь 1942 года)	145
Хроника Сиявинской наступательной операции (19.08—10.10.42 г.)	155
И. А. Иванова. Семь дней боев в устье Тосны	158
Борис Слуцкий. Последнею усталостью устав	166
Х. Польшман. Первое Ладожское сражение. Лето 1942 г.	167
П. К. Кошевой. Стояли насмерть	178
Политдонесения по 24-й гв. сд за сентябрь 1942 г.	213
А. Рейпольский. Наши штыки подо Мгой	218
Н. А. Чеков. Сиявино — трагедия сорок второго года	220
Б. Ф. Редько. Под Ленинградом	223
К. А. Злобин. В боях за Черной речкой	228
Константин Ваншенкин. Солдаты	236
П. И. Сотник. 19-я гвардейская стояла насмерть	237
В. Г. Иванов. Под Сиявино в августе—сентябре 1942 года	243
Е. И. Ткаченко. Бой под Сиявино	249
Е. П. Шихардина. Без сна и отдыха	251
И. Ф. Андреев. Я служил в артиллерии	252
Г. Л. Рождественский. 23-я стрелковая бригада в Сиявинском сражении 42-го года	257
Б. И. Малышев. 33-я бригада в боях за Ленинград	259